

ТЕННЕССИ

УИЛЬЯМС

Орфей спускается в ад

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-2(73)

ББК 84(7Coe)-6

У36

Серия «Зарубежная классика»

Tennessee Williams

ORPHEUS DESCENDING
SWEET BIRD OF YOUTH
THE NIGHT OF THE IGUANA
SUMMER AND SMOKE

Перевод с английского *Е. Токарева, Г. Злобина*

Стихи в переводе *Е. Токарева и Н. Сидемон-Эристави*

Серийное оформление *А. Кудрявцева*

Художник *А. Гайворонская*

Печатается с разрешения литературного агентства

Andrew Nurnberg Associates International Ltd.

Уильямс, Теннесси.

У36 Орфей спускается в ад : [пьесы] / Теннесси Уильямс : [перевод с английского Е. Токарева, Г. Злобина]. — Москва : Издательство АСТ, 2023. — 416 с. — (Зарубежная классика).

ISBN 978-5-17-153259-8

Дорога заносит молодого бродягу-музыканта в маленький городок, где скелеты в шкафах приличных семейств исчисляются десятками, кипят иступленные страсти и зреют семена преступлений...

Стареющая, спивающаяся актриса и ее временный дружок-жиголо абсолютно несчастны и изощренно отравляют жизнь друг другу. Но если бывшая звезда способна жить лишь прошлым, то альфонс лелеет планы на лучшее будущее...

В мексиканской гостинице красавицы-вдовушки собралась своеобразная компания туристов. Их гид — бывший протестантский священник, переживший нервный срыв, — оказался в центре внимания сразу нескольких дам...

Дочь священника с детства влюблена в молодого человека, буквально одержимого внутренними демонами. Он отвечает ей взаимностью, но оба они не замечают, как постепенно рвущаяся из него жестокая тьма оставляет отпечаток на ее жизни...

В этот сборник вошли четыре легендарные пьесы Теннесси Уильямса: «Орфей спускается в ад», «Сладкоголосая птица юности», «Ночь игуаны» и «Лето и дыхание зимы», объединенные темами разрушительной любви и пугающего одиночества в толпе.

УДК 821.111-2(73)

ББК 84(7Coe)-6

© Tennessee Williams, 1940, 1959, 1961, 1948

© Перевод. Е. Токарев, 2023

© Перевод. Г. Злобин, наследники, 2023

© Перевод, стихи. Н. Сидемон-Эристави, 2023

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Орфей спускается в ад

Действующие лица

Долли Хэмма.
Бьюла Биннингс.
Коротыш Биннингс.
Пёсик Хэмма.
Кэрол Катрир.
Ева Темпл.
Систер Темпл.
Дядюшка Плезент.
Вэл Зевьер.
Ви Талботт.
Лейди Торренс.
Джейб Торренс.
Шериф Талботт.
Дубинский.
Женщина.
Дэвид Катрир.
Сиделка Портер.
Первый Мужчина.
Второй Мужчина.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Пролог

Схематично выполненная декорация изображает интерьер универсального магазина и примыкающей к нему кондитерской в небольшом городке на юге США. Высокие стены, потемневшие у верха, словно тронуты сыростью и паутиной. За расположенным в глубине сцены запыленным окном — тревожная пустота, переходящая в стущающиеся сумерки. Действие пьесы разворачивается в сезон дождей, ранней весной, из-за чего окно иногда делается вовсе не прозрачным и отсвечивает серебристой пеленой капель. На окне старомодным шрифтом золочеными буквами написано: «УНИВЕРСАЛЬНЫЙ МАГАЗИН ТОРРЕНСА».

Товары обозначены очень скупо и условно. Вертикально стоят рулоны намотанных на большие катушки хлопчатобумажных тканей, к тоненькой белой колонне зачем-то прислонен черный портновский манекен. Под потолком — неподвижный вентилятор со свисающими с него полосками клейкой бумаги от мух.

К лестничной площадке ведут несколько ступенек и пропадают вверх. На самой площадке стоит мрачного вида искусственная пальма в зеленовато-коричневом ящике для цветов.

Однако кондитерская, частично виднеющаяся за широкой арочной дверью, находится в романтическом полумраке, словно некий скрытый подтекст пьесы.

Другое, куда меньшее по размерам сценическое пространство, находится в нише, где помещается крохотная спальня. Ниша обычно задернута занавеской с выцветшим рисунком в восточном стиле, изображающим золотое дерево с ярко-красными плодами и фантастическими птицами.

При поднятии занавеса две молодящиеся женщины средних лет, Долли и Бьюла, накрывают легкий ужин а-ля фуршет

на двух принесенных из кондитерской столиках со столешницами из мрамора с серыми и розовыми прожилками и с изящно изогнутыми черными железными ножками. Обе они — жены мелких плантаторов, разодетые в безвкусовые цветастые наряды.

Вдалеке слышится гудок поезда, в ответ на который в разных местах раздается собачий лай. Женщины замирают у столиков, а затем с резкими криками бросаются к арочной двери.

Долли. Коротыш!

Бьюла. Пёсик!

Долли. Скорый прибывает на станцию!

Бьюла. Быстрее туда, встречать поезд!

Тяжело шагая, появляются их мужья — грузные краснолицые мужчины в обтягивающей или мешковатой одежде и заляпанных грязью ботинках.

Коротыш. Я скормил «однорукому бандиту» сотню пятаков, а он выдал обратно только пять.

Пёсик. Наверное, несварение у него.

Коротыш. Поговорю-ка я с Джейбом насчет этих автоматов.

Мужчины выходят, раздается звук заведенного двигателя, который затем удаляется.

Долли. Похоже, у Джейба есть заботы поважнее, чем «однорукие бандиты» и бильярдные автоматы в кондитерской.

Бьюла. Сущая правда. Ходила я тут к доктору Джонни насчет Пёсика. У него снова сахар в моче. И, уже прощаясь, спросила у доктора, как прошла операция, та, что Джейбу Торренсу делали в Мемфисе. Ну, и...

Долли. И что же он ответил, Бьюла?

Бьюла. Самое ужасное, что только может сказать врач!

Долли. А именно?

Бьюла. Вообще ничего, ни единого словечка не произнес! Только взглянул на меня своими огромными темными глазами и головой покачал. Вот так!

Долли (с мрачным удовлетворением). Похоже, одним кивком он подписал Джейбу Торренсу смертный приговор.

Бьюла. Вот и я о том же подумала. По-моему, они его разрезали... (Умолкает, чтобы попробовать что-то со стола.)

Долли. И сразу обратно зашили! Так я слышала...

Бьюла. Не знала, что эти маслины с косточками!

Долли. А ты думала, они с начинкой?

Бьюла. Ну да. А где сестры Темпл?

Долли. Где ж им быть, по-твоему?

Бьюла. Шныряют где-нибудь наверху. Если Лейди их поймает, то покажет этим старым девам, где раки зимуют! Недаром же она итальянка!

Долли. Ха-ха, недаром! Верно сказано, дорогая... (Выглядывает за дверь на проезжающую машину.) Ну, я сама поразилась, когда поднялась наверх!

Бьюла. Наверх?

Долли. Наверх, и ты ведь тоже там была, потому как я тебя видела, Бьюла.

Бьюла. А я и не говорю, что не была там. Любопытство — оно в породе человеческой.

Долли. У них там отдельные спальни, и даже не рядом. Они в разных концах коридора, а вокруг сплошная темень и грязь! Знаешь, на что это походит? На окружную тюрьму! Богом клянусь, никогда бы не подумала, что *так* могут жить белые люди! Вот так штука...

Бьюла. Да и неудивительно. Ведь Джейб Торренс купил эту женщину.

Долли. Купил?

Бьюла. Да, купил, когда она была восемнадцатилетней девчонкой! Купил, причем дешево, потому что ее бросил с разбитым сердцем этот (резко поворачивает голову вслед проезжающей машине и продолжает) парень по фамилии Катрир... Ох, какой же он... м-м-м... красавчик

был... А они встретились, и словно камень о камень — так и вспыхнуло! Да... Вспыхнуло...

Долли. Что-что?

Бьюла. Огоны! Ха... (*Чиркает спичкой и зажигает свечу в одном из подсвечников. Слышатся нарастающие звуки мандолины. Последующий монолог должен произноситься как откровение, адресованное зрителям и всецело завладевающее их вниманием. Долли не остается в сценическом пространстве, и после нескольких первых предложений исчезает всякое восприятие диалога между персонажами.*) Ну, было это давно, задолго до того, как вы с Пёсиком переехали в Двуречное графство. Хотя, может, что-то и слышали. Отец Лейди был макаронником из Италии, и когда он только-только сюда явился, то принес с собой лишь мандолину да обезьянку в зеленом бархатном костюмчике — ха-ха. Он играл в кабаках за четвертные и гривенники — еще до сухого закона... Его прозвали Итальяшкой, имени его никто не знал, вот и пристало к нему: Итальяшка да Итальяшка...

Долли (*тихо*). Ах-ха-ха...

Бьюла присаживается на стул и, чуть подавшись вперед, напряженно смотрит в зал, всецело завладевая вниманием зрителей. В ее интонациях грусть воспоминаний, и при первых признаках беспокойства публики она встает и выходит на авансцену. Этот монолог должен задать условную тональность всей постановке.

Бьюла. Подумать только, вот таким был папаша Лейди! Потом грянул сухой закон, и никто и ахнуть не успел, как Итальяшка принялся толкать из-под полы выпивку, будто всю жизнь только этим и занимался! Он по дешевке купил участок земли на северном берегу Лунного озера. Там проходило высохшее речное русло, а люди боялись, что однажды река снова хлынет туда, потому и отдали за бесценок... (*Придвигает стул ближе к авансцене.*) Разбил там сад, весь северный берег засадил виноградниками и фруктовыми деревьями. Потом пона-

ставил беседок, маленьких таких деревянных белых беседок со столиками и скамейками, где можно было выпить и прочее... ха-ха! А весной и летом молодые парочки вроде нас с Коротышом заходили туда, чтобы уединиться, ха-ха, да и не только! Ха-ха!.. Тогда в округе достать спиртное было негде, не то, что теперь. Нынче-то полметра сойди с дороги, свистни три раза, и тут же из кустов выскочит негр с бутылкой маисовой водки!

Долли. И то правда, ха-ха!

Бьюла. В то время по всей округе и вправду негде было взять выпивку, вообще нигде, только на винограднике у Италияшки. И мы ходили к нему, попивали красное итальянское винишко в беседках, где откалывали такое... Вот помню, однажды в воскресенье старый доктор Тукер, тогдашний наш методистский пастор, чуть удар не схлопотал, когда с амвона распекал Италияшку!

Долли. Господи, помилуй!

Бьюла. Да-да, мэм! В каждой белой беседке стояло по лампе, и тут, и там, одна за другой лампы эти гасли, когда парочки принимались миловаться...

Долли. Ой-ёй!..

Бьюла. И там можно было услышать преинтересные звуки — вскрики, плач, шепот, стоны, смешки... *(Ее голос звучит тише из-за нахлынувших воспоминаний.)* А потом одна за другой лампы снова зажигались, и Италияшка с дочкой играли и пели итальянские песни... *(Мандолина звучит громче, голос поет «Скажите, девушки, подружке вашей».)* Но иногда Италияшка принимался искать дочку, а та внезапно исчезала!

Долли. И где же она была?

Бьюла. Да с Дэвидом Катриром.

Долли. О-о! Ха-ха-ха...

Бьюла. ...старшим братом Кэрл Катрир. Они с Лейди частенько прятались в саду, а старый папашка-Итальян-

яшка все орал: «Лейди, Лейди!» И ни словечка в ответ, как бы долго и громко он ее ни звал...

Долли. Ну, сдается мне, нелегко откликнуться «Папа, я здесь!», когда тебя обнимает любимый!

Бьюла. Так вот, той весной, нет, попозже, летом это было... (*Долли снова выходит из сценического пространства.*) ...Папашка-Итальяшка совершил роковую ошибку. Начал продавать выпивку неграм. А ревнители порядка зевать не стали. Нагрянули как-то ночью с баками горячего — а лето засушливое выдалось — да и запалили! Всё дотла сожгли: виноградники, беседки, деревья фруктовые. Мы с Коротышом были в танцзале на другом берегу озера и видели, как все запылало. Через десять минут весь северный берег превратился в море пламени, и оттуда по всему озеру разносился вой Итальяшки: «Пожар! Пожар! Пожар!» А то люди без него не знали, ведь все небо пылало багровым заревом, что твое красное вино! Ха-ха-ха... И ни одной пожарной машины, ни одной не выехало из пожарной части Двуречного графства! Бедный Итальяшка... Старикан схватил одеяло, бросился в сад в одиночку огонь тушить, да так и сгорел живо... Да-да! Живое сгорел...

Звуки мандолины обрываются на полутакте. Долли возвращается к столу выпить кофе.

Знаешь, о чем я иногда думаю?

Долли. Нет, о чем?

Бьюла. Я иногда думаю-гадаю, подозревает ли Лейди, что ее муж, Джейб Торренс, был вожаком ревнителей порядка в ту ночь, когда ее отца сожгли в виноградниках на берегу Лунного озера!

Долли. Бьюла Биннингс, от одной мысли об этом у меня кровь стынет в жилах! Как она могла двадцать лет прожить замужем за этим человеком, если бы знала, что тот сжег ее отца?

Вдалеке лает собака.

Бьюла. Могла, могла — ненавидя. Люди могут долго прожить бок о бок, ненавидя друг дружку. Приглядишься — они же жадные до денег. Я всегда подмечаю: когда муж с женой друг дружку не любят, они становятся жадными до денег. Никогда такого не замечала? Конечно же, замечала. Немного нынче пар, что весь век живут душа в душу. Так вот, иные до того доходят, что еле-еле друг дружку переносят. Разве не так?

Долли. Истинная правда, прямо как из Писания!

Бьюла. Еле-еле друг дружку выносят, а некоторые и до этого не доходят. Знаешь, Долли Хэмма, похоже, половина мужей-самоубийц в нашем округе вовсе не наложила на себя руки, как утверждает судебный следователь!

Долли (*искренне восхищаясь остроумием Бьюлы*). Дорогая, ты думаешь, что это женушки спровадили их к праотцам?

Бьюла. Я не думаю, я знаю. Ведь есть же пары, Долли, где людей воротит и тошнит от одного вида, запаха или голоса спутника жизни еще до того, как они прокомпостируют обратный билет во время свадебного путешествия.

Долли. Верить не хочется, а приходится.

Бьюла. Но они держатся друг за дружку.

Долли. Верно, держатся.

Бьюла. И так год за годом, год за годом, копят деньги и всякое имущество, наживают себе богатство, уважение и положение везде — в городке, в округе, в столице. В церкви, куда ходят, в клубе, который посещают — везде-везде. И ни одна живая душа не ведает, что они моют руки, прикоснувшись к тому, чего только что касались пальцы благоверной или благоверного! Ха-ха-ха-ха!..

Долли. Бьюла, у тебя такой зловещий смех, что прямо жуть!

Бьюла (*громче*). Ха-ха-ха-ха! Но ты же знаешь, что это правда.

Долли (*кивает зрителям*). Да, правду она говорит.

Бьюла. Потом у кого-то... случается... рак или... или удар какой... или еще что-то... А другой или другая...

Долли. ...забирает себе добычу?

Бьюла. В точку — забирает добычу! Боже ты мой, это надо видеть, как он или она расцветает. Новый дом, новая машина, новая одежда. Некоторые даже церковь меняют! Если это вдова, то заводит себе кавалера помоложе, а если вдовец, то начинает увиваться за какой-нибудь пташечкой, ха-ха-ха! Вот я так прямо и сказала Лейди сегодня утром, прежде чем она уехала в Мемфис, чтобы забрать Джейба домой: «Лейди, похоже, вы не откроете кондитерскую, пока Джейб окончательно не оправится после операции». А она отвечает: «Нельзя тянуть с открытием на такой долгий срок». Прямо так и сказала. Нельзя тянуть с открытием на такой долгий срок. Слишком много туда вложено. Там нужно все отремонтировать, заново отделать и открыть точно по расписанию в Страстную субботу. Почему? Да потому! Она знает, что Джейб вот-вот умрет, и хочет побыстрее навести в делах полный порядок!

Долли. Мысль ужасная, но верная. Почти все ужасные мысли — верные.

Женщины вздрагивают от внезапного смеха из задней части сцены. Освещение меняется, обозначая конец пролога.

Картина первая

Женщины оборачиваются и видят в арке между магазином и кондитерской Кэрол Катрир. Ей чуть за тридцать; Кэрол не назовешь хорошенькой, но она обладает какой-то странной неуловимой красотой, которая подчеркивается почти гротескным стилем наложения макияжа, коим танцовщица по имени Валли недавно поразила французскую и итальянскую богему. Лицо и губы напудрены до белизны, еще больше подчеркиваемой подведенными черным ресницами и накрашенными синим веками. Ее семья — одна из старейших и именитых в округе.